

ЛЕНИНСКАЯ «ИСКРА» — ПРОТИВ РОССИЙСКОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ОПОРТУНИЗМА *

С. Л. Титаренко

В этом году исполняется семьдесят лет со дня выхода в свет первого номера ленинской газеты «Искра». Ее роль в подготовке и создании в России пролетарской партии нового типа была исключительно велика. Эту роль «Искра» смогла с честью выполнить, в частности, потому, что она повела и провела до конца бескомпромиссную борьбу с «экономизмом», представлявшим первое серьезное оппортунистическое течение в российской социал-демократии, с «легальным марксизмом», а в международном плане — с бернштейнианством вообще. «Экономизм» был русской разновидностью бернштейнианства, которое в те годы быстро распространялось в западноевропейских рабочих партиях, создавая реальную возможность реформистского их перерождения. В России последователями бернштейниады выступали бывшие «легальные марксисты» П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, М. И. Туган-Барановский и «экономисты», начиная от их правого крыла — С. Н. Прокоповича и Е. Д. Кусковой (автора пресловутого «Средо») и кончая редакторами и сотрудниками газет «Рабочая мысль» и «Рабочее дело» (К. М. Тахтарев, П. Ф. Теплов, В. П. Иваншин, Б. Н. Кричевский, А. С. Мартынов и другие). Все они поддерживали бернштейнианский лозунг ревизии марксизма, пропагандировали оппортунистические идеи подчинения политической борьбы пролетариата экономической борьбе, воспевали стихийное рабочее движение и затушевывали руководящую роль марксистской партии.

Развитию ревизионизма в России способствовал ряд условий: раздробленный, кустарный характер социал-демократической работы при широком развитии массового рабочего движения к концу XIX в.; крайне слабая связь между социал-демократами, работавшими в России, и их заграничными товарищами, частично обладавшими более солидными знаниями и более богатым революционным опытом; отсутствие прочных революционных традиций в социал-демократическом движении, а также преемственности в ведении дела вследствие частых арестов и выхода из строя теоретически подготовленных и опытных революционеров; недостаточное знание истории русского революционного движения; увлечение «модной книжкой» и т. д.¹ Возникновение и деятельность «экономистов» непосредственно связаны с той полосой в жизни российской социал-демократии, которую В. И. Ленин назвал периодом разброда и шатания. В то время, как растущее рабочее движение захватывало все новые слои пролетариев, оказывая также влияние на оживление демократических настроений среди студенчества и других слоев населения,

* Автором использованы материалы главы из монографии об «Искре», подготовленной к печати Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

¹ Подробнее об этом см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 4, стр. 240—273.

некоторые руководители рабочих были не на высоте положения, пасуя перед широтой и силой стихийного подъема борьбы. Воспитанные в основном на «легальной» марксистской литературе, они оказались позади и в теоретическом и в практическом отношении.

Западноевропейская социал-демократия также переживала полосу известного разброда, вызванного деятельностью ревизионистов и оппортунистов в лице Бернштейна и его сторонников, активизировавшихся после кончины Ф. Энгельса. В 1896—1898 гг. Эдуард Бернштейн выступил в теоретическом органе германской социал-демократии «Die Neue Zeit» «с серией статей, которые были положены в 1899 г. в основу книги «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии». Главной своей целью Бернштейн ставил пересмотр основных положений марксистской теории, политики и тактики. Он подверг «критике» материалистическое понимание истории, противопоставив ему бессодержательные и путанные разглагольствования в защиту эклектизма, который якобы является «естественной реакцией против доктринерского стремления выводить все из одного и обрабатывать все при помощи одного и того же метода»². Он провозгласил поход против диалектики — этого наиболее всестороннего и глубокого учения о развитии, заявив, что диалектика ведет к «произвольным конструкциям»; что вывод К. Маркса о неизбежности социальной революции пролетариата покоится на понятии диалектических противоречий, каковых ни в природе, ни в обществе «не существует».

Бернштейн ополчился и против экономического учения Маркса, особенно против теории прибавочной стоимости, утверждая, что эта теория «не закончена», а теория «пределной полезности», выдвинутая буржуазным вулгарным экономистом Е. Бём-Баверком, «не менее справедлива». Бернштейн отвергал, далее, само понятие научного социализма, заявляя, что хотя учение Маркса — Энгельса и содержит больше научных элементов, чем учение социалистов-утопистов Ш. Фурье, Р. Оуэна и К.-А. Сен-Симона, но оно также заключает в себе «элементы утопии». Марксистской теории классовой борьбы, социальной революции и диктатуры пролетариата он противопоставлял буржуазно-реформистскую концепцию «сглаживания» классовых противоречий в капиталистическом обществе, а конечную цель деятельности рабочих партий видел не в социализме, а в парламентарной демократии, которая, по его словам, в принципе приводит к уничтожению классового господства, если даже не к фактическому уничтожению классов.

Книгу Бернштейна В. И. Ленин характеризовал следующим образом: «Теоретически — невероятно слабо; повторение чужих мыслей. Фразы о критике, и нет даже попытки серьезной и самостоятельной критики. Практически — оппортунизм (фабианизм, вернее: оригинал массы утверждений и идей Бернштейна находится у Webb'ов в их последних книгах), безграничный оппортунизм и пошиблизм, и притом все же трусливый оппортунизм, ибо программы Бернштейн прямо трогать не хочет»³. Буржуазная печать, а также отдельные органы западноевропейской социал-демократии начали превозносить работы Бернштейна как некое откровение. Бернштейниада была провозглашена «наукой», призванной заменить «устаревший» марксизм. Плоские реформистские идеи Бернштейна отвечали духу и умонастроениям всякого рода мелкобуржуазных «социалистов», мечтавших о «сотрудничестве» классов. Бернштейн стал кумиром целого роя реформистов и оппортунистов, которые все более усиливали свои позиции в партиях II Интернационала. В Германии это были такие деятели, как К. Шмидт, Г. Фольмар, И. Ауэр, Э. Давид, во Франции — А.-Э. Мильеран, Ж. Жорес, в Анг-

² Э. Бернштейн. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб. 1906, стр. 13.

³ В. И. Ленин. ПСС. Т. 55, стр. 176.

ли — фабианцы, ряд лидеров Независимой рабочей партии и тред-юнионов. Наглядным проявлением бернштейнианского оппортунизма было вступление французского социалиста Мильерана в реакционное буржуазное министерство (1899 г.) под предлогом «защиты республики». По характеристике В. И. Ленина, Мильеран дал прекрасный образчик практического бернштейнианства.

Появление бернштейниады не могло не вызвать беспокойства среди революционных социал-демократов. С критикой ревизионизма выступили такие деятели международной социал-демократии, как А. Бебель, Ф. Меринг, Р. Люксембург, К. Цеткин (Германия), П. Лафарг, Ж. Гед (Франция), А. Лабриола (Италия), Д. Благоев (Болгария). Наиболее последовательная критика ревизионизма была дана деятелями российской революционной социал-демократии, прежде всего В. И. Лениным, показавшим образец воинствующей непримиримости к каким бы то ни было попыткам извратить марксизм, выхолостить из него революционное содержание, приспособить его ко вкусам и потребностям мещанства и либеральной буржуазии. Разоблачение Лениным еще в 1894 г. «легального марксизма» положило начало целой эпохе борьбы с ревизионизмом. Эта борьба была продолжена в конце XIX в., а в начале XX в. решительный бой с оппортунизмом в российской и международной социал-демократии повела ленинская «Искра». В «Заявлении редакции «Искры», предпосланном выходу новой газеты, В. И. Ленин писал о насущной необходимости направить все усилия на образование крепкой партии рабочего класса, борющейся под единым знаменем революционной социал-демократии. В «Заявлении» говорилось, что газета не будет каким-то складом разнообразных воззрений; что она станет бороться за последовательное развитие идей марксизма, решительно отвергая те половинчатые, распылчатые и оппортунистические поправки, которые вошли в моду по инициативе Бернштейна, Струве и других.

Одновременно с «Искрой» выходил научно-политический журнал «Заря»⁴, в котором принципиальная критика оппортунизма занимала важнейшее место. Газета и журнал отстаивали от ревизионистских покушений коренные вопросы марксистского мировоззрения, а также марксову политику и тактику рабочего и социалистического движения. Диалектический материализм, материалистическое понимание истории, политическая экономия, марксистское учение о классовой борьбе, диктатуре пролетариата, месте и роли пролетарской партии — все эти вопросы находились в центре внимания редакции «Искры». В ее борьбе за рабочую партию нового типа, против российского и международного бернштейнианства важнейшую роль сыграли ленинские работы, опубликованные на страницах этой газеты и журнала «Заря», а также его книга «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения».

В момент, когда появилась бернштейниада, В. И. Ленин находился в сибирской ссылке. Он завершал тогда работу над фундаментальным трудом «Развитие капитализма в России», содержащим глубокий анализ общественно-экономического строя России и ее классовой структуры, раскрывающим процесс образования капиталистического рынка в связи с эволюцией сельского хозяйства и классовым расслоением крестьянства.

В ряде статей, также написанных в сибирской ссылке («Заметка к вопросу о теории рынков», «Еще к вопросу о теории реализации», рецензия на книгу К. Каутского «Аграрный вопрос», «Капитализм в сельском хозяйстве»), Ленин разоблачил попытки «легальных марксистов» доказать, будто в капиталистическом обществе господствует идеальный закон пропорционального производства и распределения, из которого

⁴ Издавался в 1901—1902 гг. в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера в трех книгах.

вытекает «гармония» классовых интересов имущих и неимущих. Позднее в «Заре» (конец 1901 г.) была опубликована работа «Аграрный вопрос и критика Маркса», в которой Ленин дал решительный отпор ревизионистским наскокам на марксову теорию поземельной ренты и марксистское понимание законов развития капиталистического сельского хозяйства вообще. Он разоблачил реакционные ламентации С. Н. Булгакова, В. М. Чернова, Э. Давида, Ф.-О. Герца об «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства и его мнимом превосходстве над крупным, их стремление объяснить обнищание народных масс так называемым «законом убывающего плодородия почвы».

В ряде других работ, помещенных в «Искре» и «Заре», Ленин отверг ревизионистский тезис о том, что в процессе капиталистического развития якобы растет децентрализация капитала, а вместе с тем и благосостояние трудящихся. Ревизионисты утверждали, например, что мелкие вкладчики в сберегательные кассы становятся собственниками железных дорог и владельцами закладных на землю, что даже такие крупные капиталистические предприятия, как железные дороги и банки, все более децентрализуются, экономически раздробляются и переходят в руки мелких собственников посредством покупки последними акций, облигаций и закладных листов. Вскрывая полнейшую несостоятельность подобных наивных утверждений, В. И. Ленин разъяснял, что здесь нет ни децентрализации капитала, ни возрастания числа реальных собственников. Эти факты лишь свидетельствуют о процессе роста обобществления труда в буржуазном обществе и подчинении мелкого производства крупному.

В. И. Ленин высмеял ревизионистские восторги по поводу того, что среди крестьянства также растет число зажиточных собственников, показав, что идет процесс преобразования части зажиточных крестьян в буржуа, которые превращают свои сбережения в капитал. Наряду с этим имеет место несравненно более быстрый процесс пролетаризации крестьянства, чего просто не хотят видеть ревизионисты. Огромную роль сыграла всесторонняя критика ленинской «Искрой» бернштейнианства по вопросам политики и тактики рабочего и социал-демократического движения. Затумашивание «экономистами» необходимости политической борьбы представляло собой попытки свернуть рабочий класс с революционного пути на реформистский. Речь шла о том, быть рабочему классу гегемоном освободительной борьбы или же плестись в хвосте либеральной буржуазии; быть в России подлинно революционной партией рабочего класса, или же социал-демократия обречена на аморфное состояние и постепенное растворение в потоке мелкобуржуазных групп и течений. «Экономическое» направление тем и было опасно, что мешало делу объединения социал-демократии под знаменем революционного марксизма, а узость экономической борьбы возводило в особую теорию, якобы выражающую насущные потребности рабочего движения. На все лады «Рабочая мысль» превозносила реформистский довод о том, что лишняя копейка на рубль зарплаты ближе и дороже пролетарию, чем всякий социализм и всякая политика, что рабочие должны вести борьбу не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей.

Реформистская позиция «Рабочей мысли» наглядно была выражена в отдельном приложении (сентябрь 1899 г.), в котором содержалась статья Бернштейна «Карл Маркс и современное рабочее движение» с последующим комментарием под названием «Новые течения в немецкой социал-демократии». Автор комментария, выступивший под псевдонимом «Студент», выражал свою солидарность с ревизионистами, заявлявшими, что идеи Маркса и Энгельса «во многом устарели», что развитие капитализма во второй половине XIX в. приобрело совершенно иной характер. «Из порывистого и скачкообразного это развитие сделалось постепенным и неуклонным», — писал автор, «исключавший» неиз-

бежность кризисов и социальной революции. Это значит, повторял он вслед за Бернштейном, что социалистический строй наступит «благодаря реформам»⁵.

Оппортунистические идеи «Рабочей мысли» были подхвачены редакцией «Рабочего дела» после того, как заграничный Союз русских социал-демократов на своем съезде весной 1900 г. раскололся. Основная причина раскола — отрицание «Рабочим делом» существования «экономического» направления и нежелание вступить в открытую борьбу с ним. В августе 1900 г. в «Рабочем деле» была обнародована статья Б. Н. Кричевского «Экономическая и политическая борьба в русском рабочем движении», в которой отстаивалась идея экономической борьбы как главной формы рабочего движения и выдвигалась «теория стадий»: сначала ведется чисто экономическая агитация, затем — агитация за ближайшие политические требования рабочих и, наконец, за всю политическую программу социал-демократии. «Экономическая борьба, — заключал Кричевский, — есть вечно живой источник нашего движения. Она приучает пролетариат к дружной деятельности, к организации, дает ему первые понятия о классовой солидарности, пробуждает его к политической борьбе»⁶.

Такое преклонение перед экономической борьбой вело на практике к тред-юнионизму, толкало рабочих лишь на борьбу за осуществление частичных требований, за несколько более приличные условия продажи своей рабочей силы и отодвигало в сторону насущные задачи классовой борьбы пролетариата в целом как условия его экономического и социального освобождения. «Экономисты» грубо извращали марксистское положение о соотношении экономики и политики и отрицали тезис «Манифеста Коммунистической партии» о том, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Отсюда вытекал единственно правильный вывод, что борьба пролетариата, осознавшего свои классовые интересы, должна быть направлена против всего эксплуататорского строя, а не только против отдельных его недостатков. «Экономисты», как и бернштейнианцы вообще, в своих требованиях не пошли дальше тред-юнионистской, реформистской формы борьбы.

Разъяснить значение политической борьбы для успешного освободительного движения пролетариата, разоблачить попытки реформистов изменить ход повседневной деятельности социал-демократов — такова была одна из основных задач, поставленных перед «Искрой» В. И. Лениным. В первом же номере газеты, в статье «Насущные задачи нашего движения», В. И. Ленин указал на необходимость решительно отвергнуть всякие попытки отбрасывания политических задач пролетариата. Он подверг острой критике «Рабочую мысль», которая повторяла доводы «Credo» о «несовершеннолетию» рабочего класса России, о том, что рабочим вообще не нужна социал-демократическая программа. «Экономическое направление», подчеркивал Ленин, пользуется модной бернштейниадой, «критикой марксизма», проводящей под новым флагом старые, буржуазные идеи.

В статье «С чего начать?», опубликованной в четвертом номере «Искры», Ленин вновь указал на вред «экономического направления», теперь уже в лице редакции журнала «Рабочее дело», для которой были характерны беспринципность, эклектизм и неспособность отличить запросы минуты от основных задач и постоянных нужд рабочего движения в целом⁷. Разоблачая разглагольствования «Рабочего дела» о тактике, свободной от «догматического окостенения» и могущей изменяться в 24 часа, Ленин указывал, что если нет крепкой организации,

⁵ Отдельное приложение к «Рабочей мысли», сентябрь 1899, стр. 33—36.

⁶ «Рабочее дело», август 1900, № 7, стр. 21.

⁷ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 5.

искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о систематической, освященной твердыми принципами и неуклонно проводимой тактике.

В ответ на критику со стороны «Искры» и «Зари» редакция «Рабочего дела» выступила со статьями Б. Н. Кричевского «Принципы, тактика и борьба» и А. С. Мартынова «Обличительная литература и пролетарская борьба». Лейтмотив обеих статей — воспевание чисто экономической борьбы, преклонение перед стихийным рабочим движением, отрицание всякой возможности планировать тактику революционной борьбы и проповедь «тактики-процесса», вытекающей из стихийного характера движения⁸. «Рабочее дело» обвиняло «Искру» и «Зарю» в приверженности к одной только теории в ущерб «боевой практике и боевым традициям», в «преувеличении» роли партийной организации. Открыто защищая ревизионистов и оппортунистов, Кричевский поучал, что «в современном социалистическом движении нет столкновения классовых интересов, оно все целиком, во всех своих разновидностях, включая и самых отъявленных бернштейнианцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение»⁹.

Это утверждение извращало действительное положение вещей. Бернштейнианцы не только не стояли на классовых позициях пролетариата, а, напротив, ожесточенно атаковали эти позиции, стремясь повернуть рабочее движение на путь буржуазного реформизма. Не случайно Ленин характеризовал «экономическое направление» как новую разновидность оппортунизма, пытающегося свести классовую борьбу пролетариата к узкой, «реалистической» деятельности во имя мелких и постепенных реформ, лишить рабочий класс политической самостоятельности и внедрить в социализм буржуазные идеи. Одним из основных идейно-политических источников оппортунизма является неправильное понимание соотношения между стихийными процессами и сознательными элементами в рабочем движении. Именно здесь наиболее выпукло проявилась хвостистская, оппортунистическая позиция «Рабочей мысли» и «Рабочего дела». И редакторы и авторы «Рабочего дела» не только не оспаривали, а сами признавали, что в основе их разногласий с «Искрой» лежит «различная оценка сравнительного значения стихийного и сознательного элемента», и обвиняли «Искру» и «Зарю» в недооценке значения стихийного элемента развития¹⁰.

Об этом же со всей откровенностью писали сторонники «экономизма» в письме, опубликованном в «Искре» в декабре 1901 г. вместе с ответом В. И. Ленина под названием: «Беседа с защитниками экономизма». В письме, в частности, говорилось, что «Искра» придает «слишком большое значение» идеологам движения в смысле их влияния на то или иное его направление и в то же время «мало считается» с теми элементами этого движения и той материальной средой, из взаимодействия которых создается конкретный тип рабочей борьбы и определяется ее путь. Отвечая авторам письма, В. И. Ленин указывал, что неправильное понимание вопроса о взаимоотношении между материальными элементами движения и идеологическими факторами неизбежно приводит к тактическим ошибкам. Идеолог только тогда заслуживает такого названия, когда он идет впереди стихийного движения, указывая ему путь, и умеет раньше других разрешать те теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые «материальные элементы движения» стихийно наталкиваются. Чтобы действительно считаться с этими элементами, «надо критически относиться к ним, надо

⁸ «Рабочее дело», сентябрь 1901, № 10, стр. 11, 13.

⁹ Там же, стр. 32—33.

¹⁰ См. там же, стр. 17—18.

уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь *поднимать* стихийность до сознательности»¹¹.

Проблема отношения социал-демократии к стихийному движению получила затем более глубокое и всестороннее освещение в книге В. И. Ленина «Что делать?». Этот труд пронизан мыслью о необходимости готовить рабочий класс в качестве сознательной политической силы, о придании стихийному рабочему движению организованного и целенаправленного характера. После К. Маркса и Ф. Энгельса никто с такой теоретической глубиной и политической остротой не ставил вопроса об отношении пролетарской партии к стихийному рабочему движению, как В. И. Ленин. Лидеры II Интернационала в начале XX в. нередко истолковывали марксистское учение о законах классовой борьбы в капиталистическом обществе таким образом, будто путь к социализму пролегает через самопроизвольное развитие производительных сил этого общества. В этом коренилось и последующее реформистское перерождение ряда социал-демократических партий Запада. Рабочий класс, как доказал В. И. Ленин, может рассчитывать на успех своей борьбы лишь при том условии, что эта борьба будет организованной, освященной теорией научного социализма и не поддающейся влиянию стихии. Именно в преклонении перед стихийностью находится источник оппортунизма и различных форм мелкобуржуазной, непролетарской революционности.

Анализируя позицию «экономистов», Ленин подчеркивал, что умаление роли сознательного начала в рабочем движении неизбежно ведет его к подчинению буржуазной идеологии, которая старше социалистической, более всесторонне разработана и обладает неизмеримо большими средствами распространения. Чем моложе социалистическое движение в той или иной стране, тем энергичнее должна быть борьба против всех попыток насаждения буржуазной идеологии, тем решительнее следует предостерегать рабочих от плохих советчиков, которые кричат о «преувеличении» роли сознательного элемента¹². Выдвинутые В. И. Лениным положения об отношении социал-демократии к стихийному рабочему движению и необходимости решительной борьбы против подчинения этого движения буржуазной идеологии сохраняют свою актуальность и в наше время. Еще и ныне, в условиях острейшей идеологической борьбы между капитализмом и социализмом, вопрос стоит так, как его поставил В. И. Ленин в начале столетия: либо буржуазная, либо социалистическая идеология, никакой «третьей» идеологии в принципе быть не может¹³.

С огромной силой Ленин разоблачал узость и ограниченность «экономического» понимания пролетарской борьбы. «Экономистам» чуждо было представление о пролетариате как классе-гегемоне, который не может ограничиться только борьбой за повседневные экономические нужды. Они не понимали, что классовое политическое сознание приносит рабочему извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих и хозяев. «Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами»¹⁴. Эта мысль имеет громадное значение для выработки политической стратегии и тактики пролетарской партии. «Экономисты» считали, что для социал-демократа достаточно лишь «пойти к рабочим», чтобы решить все проблемы рабочего движения. На самом же деле, указывал Ленин, чтобы принести рабочим политическое знание, понимание ими своих классовых интересов, социал-демократы должны руководить борьбой рабочих не

¹¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 363.

¹² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 41—42.

¹³ См. там же, стр. 39.

¹⁴ Там же, стр. 79.

только за более выгодные им условия продажи рабочей силы, но и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам. Социал-демократия представляет рабочий класс в его отношении не только к предпринимателям, но и ко всем классам, к государству как организованной политической силе. Не отвергая борьбу за реформы, социал-демократия подчиняет ее, как часть, целому — революционной борьбе за свободу и социализм. В этом заключается коренное отличие революционного марксизма от реформизма.

В. И. Ленин указал на особое значение революционной теории для пролетарского движения, подчеркнув, что без революционной теории не может быть и революционного движения, что роль передового борца может выполнить только партия, вооруженная передовой теорией. Призывая охранять чистоту марксистской теории от ревизионистских извращений, он бичевал «экономистов» за громкие фразы против «окаменения мысли». Такими фразами они прикрывали лишь свою беззаботность и беспомощность в развитии теории. Пресловутая свобода критики, писал Владимир Ильич, «означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность»¹⁵. О том, до какого абсурда иногда доходили люди, считавшие себя активными участниками революционной борьбы, но лишенные сколько-нибудь серьезной теоретической и политической подготовки, наглядно было показано в одной из статей «Искры» — о программе «Еврейской независимой рабочей партии». В этой программе, в частности, говорилось, что партия не выставляет никаких политических целей и касается политических вопросов лишь в той мере, в какой они затрагивают повседневные интересы рабочих. Там заявлялось также, что партия объединяет рабочих как всяких политических взглядов, так и совсем без таковых, и что партия управляется снизу, а не сверху. «Искра» справедливо охарактеризовала эту программу как выражение «экономического» тупоумия.

Одновременно «Искра» вела принципиальную критику националистического оппортунизма Бунда, сыгравшего немалую роль в распространении идей «экономизма». Бундовцы опошляли марксизм, преклонялись перед его новейшей «критикой», проявляли неустойчивость в тактическом отношении, разменивали на мелочи агитацию и политическую борьбу. Они первыми начали вести агитацию среди ремесленных, мелкобуржуазных слоев населения за чисто экономическую борьбу. Бунд, кроме того, был инициатором распространения националистических идей и настроений в среде отсталых слоев трудящихся. В апреле 1901 г. на своем IV съезде он принял резолюцию, выдвигавшую требование, чтобы Россия стала федерацией национальностей с полной автономией каждой из них, независимо от населяемой ею территории. Съезд поставил вопрос о замене ранее существовавших автономных отношений Бунда с РСДРП федеративными: Бунд претендовал на роль единственного представителя еврейского пролетариата в российском рабочем движении.

По поводу этих претензий «Искра» указывала, что они знаменуют собой развитие одного из направлений национализма в социал-демократии Западной России и Польши¹⁶. Стремление искусственно втиснуть еврейское рабочее движение в ограниченное русло в то время, как в царской России были угнетены множества национальностей, действовало лишь на руку великодержавной политике царского правительства. В статьях В. И. Ленина («По поводу заявления Бунда», «Нужна ли самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату», «Национальный вопрос в нашей программе», «Положе-

¹⁵ Там же, стр. 23.

¹⁶ См. «Искра», август 1901, № 7.

ние Бунда в партии») была исчерпывающе показана националистическо-оппортунистическая сущность требований Бунда. В. И. Ленин разъяснял, что признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата — значит узаконить разброд в рабочей партии, призванной отстаивать интересы трудящихся всех национальностей. Позицию Бунда он характеризовал как «чистейший оппортунизм, «хвостизм» худшего сорта»¹⁷. Право наций на самоопределение, которого добивалась российская социал-демократия, вовсе не означало, что рабочий класс и его партия должны дробиться по национальным признакам. Такое дробление обрекло бы пролетариат на бессилие перед мощью организованного в государственную власть классового врага. Требование национального самоопределения должно быть подчинено интересам классовой борьбы рабочих, объединяемых принципами пролетарского интернационализма. В этом, указывал Ленин, и состоит «отличие нашей постановки национального вопроса от буржуазно-демократической постановки его. Буржуазный демократ (а также идущий по его стопам современный социалистический оппортунист) воображает, что демократия устраняет классовую борьбу, и потому ставит все свои политические требования абстрактно, огульно, «безусловно», с точки зрения интересов «своего народа» или даже с точки зрения вечного нравственного принципа-абсолюта. Социал-демократ беспощадно разоблачает эту буржуазную иллюзию везде и всегда, выражается ли она в отвлеченной идеалистической философии или в постановке безусловного требования национальной независимости»¹⁸. Борьба «Искры» против бундовского и всякого иного национализма имела серьезное значение для утверждения идей пролетарского интернационализма в рабочем движении России.

Ревизионизм и оппортунизм как отражение влияния буржуазной идеологии на рабочий класс неизбежно смыкались с различными либерально-буржуазными и мелкобуржуазными течениями. Эта их взаимосвязь и в Западной Европе и в России была всесторонне показана на страницах «Искры» и «Зари». Если, например, в Германии бернштейнцы тащились в одной упряжке с национал-либералами, то в России «экономисты» и бундовцы шагали вместе с буржуазными либералами и эсерами, представлявшими одну из наиболее ярко выраженных разновидностей мелкобуржуазной революционности. Либералы типа П. Б. Струве, С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева были духовными наставниками «экономистов», поставляя им теоретическое оружие в виде «критики марксистской ортодоксии», а эсеры являлись собратями «экономистов» в области политики и тактики. В. И. Ленин указывал, что у «экономистов» и террористов имеется один общий корень — преклонение перед стихийностью. «Экономисты» и эсеры-террористы молятся перед разными полюсами стихийного течения: «экономисты» — перед стихийностью «чисто рабочего движения», террористы — перед стихийностью горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением. Преклонение перед стихийностью в обоих направлениях есть не что иное, как начало осуществления программы «Credo»: «Рабочие ведут себе «экономическую борьбу с хозяевами и правительством»..., а интеллигенты «ведут себе своими силами политическую борьбу, естественно, при помощи террора!»¹⁹.

Борьба с оппортунизмом обязывала «Искру» разоблачать идеологию и политику как либерализма, так и эсеровского терроризма, внутренние связи между собой, несмотря на различие внешних форм действия. В газете было опубликовано значительное количество материалов, рас-

¹⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 8, стр. 72.

¹⁸ В. И. Ленин. ПСС. Т. 7, стр. 235.

¹⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 75.

крывающих социальную природу, идейное содержание и политическую направленность либерализма и эсеровщины. Разоблачению либерально-политиканства были посвящены статьи «Политическая борьба и политиканство», «Г. Струве, избалованный своим сотрудником», написанные В. И. Лениным. Кроме того, большую статью В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» опубликовала «Заря» (№ 2—3, декабрь 1901 г.). На примере эволюции Струве от «легального марксизма», через трехлетнюю борьбу с марксизмом во имя бернштейнианства, к открытому буржуазному либерализму «Искра» показала идейно-классовую подоплеку таких «перебежчиков», которые, будучи захвачены волной пролетарского движения, иногда на время примыкают к нему, чтобы при удобном случае перебежать уже в противоположный лагерь.

Политику и тактику социал-демократии в отношении к либерализму В. И. Ленин особенно глубоко обосновал именно в статье «Гонители земства и Аннибалы либерализма». Эта статья была написана в связи с выходом в 1901 г. книги «Самодержавие и земство» с предисловием П. Б. Струве. Обсуждение статьи до опубликования ее в журнале длилось в редакции «Искры» и «Зари» почти полтора месяца. В ходе обсуждения внутри редакции обнаружились разногласия по вопросу об отношении марксистской партии к буржуазному либерализму. Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулин требовали смягчения обличительного тона и полемического характера статьи, ослабления критики либерализма. Однако В. И. Ленин решительно отказался менять тон и общее направление статьи. Он не считал возможным делать какие-либо уступки либерализму и отказаться от принципиальной, классовой его оценки. Уже тогда В. И. Ленин показал антиреволюционный характер воззрений и политики буржуазных либералов, выступавших в роли «поборников политической свободы». Еще до своего выхода на арену легальной деятельности Струве и ему подобные ратовали за мирное, постепенное, строго легальное развитие рабочего движения, за «совмещение» конституционализма с царским самодержавием. Струве готов был поддержать лишь такое рабочее движение, которое не ставило бы перед собой задачи революционного переворота.

Разоблачая подобного рода «революционеров», Ленин отмечал, что лишь антипатией к подлинно революционной деятельности объяснялись фразы Струве о борьбе за политический и общественный прогресс в рамках мирной легальной работы. Подводить, хотя бы косвенно, последнюю под понятие борьбы с самодержавием — значит содействовать разращению масс, ослаблять их энергию в действительной борьбе. В. И. Ленин едко высмеял разглагольствования либералов о парламентской работе в условиях, когда никакого парламента в России не было еще и в помине. Основная идея ленинской статьи состояла в том, чтобы не делать никаких уступок либералам, ратовавшим за «умеренность», разоблачить антиреволюционный характер их программы и тактики. Наоборот, подчеркивал Ленин, социал-демократия должна поддерживать всякую оппозицию гнету самодержавия, по какому бы поводу и в каком бы общественном слое она ни проявлялась. В этих целях борьбы против общего врага — царизма социал-демократы готовы порою идти на взаимный «обмен услугами» с либералами, но они ни в коем случае не откажутся от решительной борьбы с теми иллюзиями, которых столь много в политически неразвитом русском обществе вообще, русском либерализме в особенности. В освобождении масс от вредных иллюзий, которые сеяли идеологи либеральной буржуазии, В. И. Ленин видел необходимое условие успешной борьбы за политическую свободу народа. А такая свобода нужна пролетариату для того, чтобы «развернуть во всю ширь свою борьбу за социализм»²⁰.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 70.

Что касается эсеровского направления, то оно, по характеристике Ленина, занимало совершенно неопределенную позицию между революционной социал-демократией и оппортунистическим течением («экономизмом»), с одной стороны, между русским марксизмом и русским либерально-народническим направлением — с другой. В статьях и заметках, публиковавшихся на страницах «Искры», систематически разоблачались мелкобуржуазные, вульгарно-социалистические взгляды эсеров и их авантюристическая тактика индивидуального террора, вносящая лишь разлад и дезорганизацию в ряды освободительного движения. «Искра» неоднократно указывала, что проповедовать индивидуальный террор в условиях массового рабочего движения — значит тащить это движение назад, мешать рабочему классу в борьбе за свободу. В резолюции одной из социал-демократических групп на юге России говорилось: «Не устранение того или иного представителя власти, не запугивание правительства является в ее (социал-демократии.— С. Т.) глазах средством осуществления ее политической задачи, но противопоставление силе правительства другой силы, более грозной и могучей, силы сознательных революционных масс и общественных слоев»²¹. Эта же мысль была выражена в «Заявлении» Харьковского комитета РСДРП, подчеркнувшего, что всякая деятельность в духе терроризма затемняет истинный смысл революционного движения и ослабляет его²². Проповедь террора, разъясняла «Искра», равносильна отказу от действительно революционной борьбы, ибо террор сводится лишь к мести отдельным лицам, а не к борьбе за свержение всего существующего строя.

Исключительно глубокая критика эсеров как мелкобуржуазного течения была дана в статьях В. И. Ленина «Революционный авантюризм», «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами»²³. В. И. Ленин показал беспринципность позиции эсеров, которые, с одной стороны, заявляли, что не сочувствуют оппортунизму, а с другой — приветствовали «критику» марксизма, утверждая, что она «освободила нас от догмы». Между тем никакой сколько-нибудь цельной системы взглядов сами эсеры не имели. Теория вообще мало их интересовала. Они стояли на той точке зрения, что отсутствие теории весьма удобно «для объединения». Беззаботность в отношении теории — характерная черта всякого квазиреволюционного течения. Отсутствие теории, подчеркивал Ленин, «отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его, рано или поздно, на политический крах»²⁴. Беспринципность по отношению к марксизму, непонимание и нежелание понять научный социализм неизбежно толкали эсеров на путь вульгарного социализма. Они беспомощно пасовали перед либерально-народническими воззрениями, не видели дряблости и внутренней противоречивости этих взглядов. Не удивительно, что эсеры не признавали и марксистских принципов классовой борьбы. «Они не понимают,— подчеркивал Ленин,— что действительно революционной и истинно социалистической может быть в современной России лишь партия, сливающая социализм с русским рабочим движением, которое все с большей силой и с все большей широтой порождается развивающимся русским капитализмом»²⁵.

Искажение принципов классовой борьбы неизбежно вело эсеров к половинчатому, негативному отношению к рабочему движению. Это их

²¹ «Искра», 15.XI.1902.

²² Там же.

²³ Чрезвычайно важны также статьи В. И. Ленина, написанные в 1902 г., но не публиковавшиеся в «Искре»: «Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам?», «Основной тезис против эсеров» (см. В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 372—376; г. 7, стр. 51—55).

²⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 379.

²⁵ Там же, стр. 373.

отношение было умозрительным и дилетантским. Когда расцвел «экономизм», эсеры злорадствовали по поводу этих ошибок социал-демократов и в то же время «бросали палки под колеса революционного марксизма, поведшего и победоносно проведшего борьбу с этим «экономизмом»²⁶. Игнорирование социалистической идеологии, стремление абсолютно в одинаковой мере опереться и на рабочих, и на интеллигенцию, и на крестьянство отвечали лишь интересам либеральной буржуазии, ее попыткам идейно поработить пролетариат. С другой стороны, именно отсутствие четкой социальной опоры толкало эсеров к тактике индивидуального террора. Находясь в стороне от подлинно революционного и эффективного массового рабочего движения, эсеры считали, что выстрелы в отдельных царских чиновников могут поколебать самодержавие. В одной из своих прокламаций они заявили: «Каждый террористический удар как бы отнимает часть силы у самодержавия и всю эту силу перебрасывает на сторону борцов за свободу. И раз террор будет проведен систематически, то очевидно, что наша чаша весов наконец перевесит». Не говоря уже о вредности такой теории, приходится заметить, что упования эсеров на эффективность подобного средства прямо свидетельствовали о непонимании ими сущности революционного движения.

Эсеров-террористов В. И. Ленин называл «экономистами наизнанку». Подобно «экономистам», они не способны были понять, каким должно быть отношение руководителей к массовому движению. В то время, как марксисты добивались, чтобы руководители стояли не ниже уровня революционной активности пролетариата, шли впереди него и руководили массами, эсеры взывали к организации покушений на царских министров. Это означало не только отказ от работы в массах, но и внесение дезорганизации в нее. В. И. Ленин призывал безжалостно разоблачать авантюризм и иллюзии, насаждаемые эсерами и неизбежно ведущие к полному разочарованию в революционной борьбе. Революционная партия только тогда заслуживает своего имени, напоминая Владимира Ильича, когда она на деле руководит движением революционного класса. Со всей беспощадностью Ленин разоблачал также программные установки эсеров. В свою «программу-минимум» эсеры включали требование социализации земли. Это означало прямой обман крестьянства и сеяло неверные представления о характере крестьянского движения, буржуазно-демократического по своему существу. Эсеры требовали поддержки и развития буржуазной кооперации, что означало отказ от революционной борьбы и переход на позиции дюжинного мелкобуржуазного реформаторства. В то же время они возражали против требования социал-демократов уничтожить средневековые путы, прикреплявшие крестьянина к наделу. В результате эсеры так и «не смогли... уберечь себя от реакционных учений русского народничества»²⁷.

Воззрения эсеров вообще были насквозь пропитаны народничеством либерального толка. Они не понимали сути шедшего под влиянием развития капиталистических отношений классового расслоения крестьянства, не видели принципиального различия между мелкими товаропроизводителями и пролетариями; не могли различить основные и производные формы эксплуатации; не понимали, что базисом капиталистического строя является эксплуатация наемного труда, вызывающая деление общества на непримиримо противоположные классы. В. И. Ленин очертил эсеровское направление как внутренне противоречивое, беспринципное и шаткое, прикрывавшее свою бессодержательность широко-вещательностью и авантюризмом. Этот авантюризм вытекал из беспринципности во всех основных вопросах социализма, из невероятной путаницы воззрений, из беспочвенности террористической тактики. «Социал-

²⁶ Там же.

²⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 6, стр. 375.

революционаризм,— писал Ленин,— есть одно из тех проявлений мелкобуржуазной идейной неустойчивости и мелкобуржуазной вульгаризации социализма, с которыми социал-демократия всегда должна и будет вести решительную войну»²⁸.

Ленинские статьи об эсерах были образцом марксистского анализа социально-политической и идейной природы мелкобуржуазной революционности, бесплодной по своему существу и вредной для освободительного движения пролетариата. Впоследствии, оценивая значение борьбы большевиков с мелкобуржуазной революционностью в 1900—1903 гг., когда закладывались основы массовой революционной партии пролетариата, В. И. Ленин отмечал, что большевизм воспринял и продолжил борьбу с партией, более всего выражавшей тенденции мелкобуржуазной революционности,— с партией «социалистов-революционеров», которая отвергала марксизм и упорно не хотела понять необходимость строго объективного учета классовых сил перед всяким политическим действием. Свою особую «революционность» она видела в признании индивидуального террора. Разумеется, писал Ленин, «мы отвергали индивидуальный террор только по причинам целесообразности», а людей, которые способны были «принципиально» осуждать террор Великой Французской буржуазной революции «или вообще террор со стороны победившей революционной партии, осаждаемой буржуазией всего мира, таких людей еще Плеханов в 1900—1903 годах, когда Плеханов был марксистом и революционером, подвергал осмеянию и оплеванию»²⁹.

На страницах «Искры» и «Зари» широко освещалось положение не только в российской социал-демократии, но и в социалистических партиях Западной Европы. Особенно часто публиковались материалы о деятельности германской социал-демократии. Бернштейнианство и в теории и в политике шаг за шагом подтачивало силы этой партии, самой влиятельной тогда во II Интернационале. Тяжелым было положение и в социалистическом движении Франции. Открытая подрывная деятельность оппортунистов привела к расколу его на ряд течений. На съездах немецких социал-демократов, как и французских социалистов, неоднократно обсуждался вопрос о борьбе с ревизионизмом и оппортунизмом. Но, как правило, дальше морального осуждения дело не двигалось. Это не могло не сказаться на идейной жизни и практической работе этих партий. Показательно, что центральный орган германской социал-демократии газета «Vorwärts», а также журнал «Die Neue Zeit» проявляли снисходительность и мягкость в своей критике бернштейнианства, старались избегать прямой и резкой оценки того зловредного влияния, которое Бернштейн и компания оказывали на социал-демократию. К. Каутский, например, как главный редактор «Die Neue Zeit», открыто выражал свое недовольство тем, что в его отсутствие в журнале была помещена острая, разоблачительная статья об оппортунизме.

Такое поведение Каутского не было случайным. Склонность к примирению с ревизионистами он проявлял уже после первых публичных выступлений Бернштейна. Да и сам Каутский, несмотря на ряд написанных им критических работ, таких, как «Бернштейн и социал-демократическая программа», допускал серьезные ошибки оппортунистического характера. Об этом недвусмысленно говорилось в письме «Несколько слов о последнем Парижском международном социалистическом конгрессе», помещенном в первом номере журнала «Заря» (апрель 1901 г.). Там давалась оценка резолюции, принятой конгрессом по вопросу о завоевании пролетариатом политической власти. Текст этой «каучуковой» резолюции был написан Каутским. Основной пункт ее гласил: «В совре-

²⁸ Там же, стр. 374.

²⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 41, стр. 16.

менном демократическом государстве завоевание политической власти пролетариатом не может быть достигнуто просто путем какого-нибудь насильственного действия, но может явиться лишь результатом длинной и трудной работы в области политической и экономической организации пролетариата, а также результатом его физического и нравственного возрождения и постепенного проникновения избранных им представителей в муниципальные советы и законодательные собрания».

По поводу этой резолюции резонно замечалось, что она по своей сути является уступкой «критикам», оспаривавшим положение К. Маркса о революции и диктатуре пролетариата как условия перехода от капитализма к социализму. Грешила непоследовательностью и двусмысленностью также та часть резолюции, в которой говорилось об участии социалистов в буржуазных министерствах. С одной стороны, утверждалось, что вступление отдельного социалиста в буржуазное министерство не может считаться «нормальным началом завоевания политической власти», а с другой — говорилось, что такое вступление должно рассматриваться как временный прием в борьбе с трудными обстоятельствами. В резолюции не давалась характеристика мильеранизму, представлявшему собой открытый союз оппортуниста с буржуазией. Не удивительно, что вскоре после этого конгресса А.-Э. Мильеран выступил с публичной речью, в которой почти дословно повторил резолюцию Каутского и осудил всякое революционное насилие, в том числе и борьбу классов, как способ социального преобразования.

«Искра» внимательно следила за событиями в западноевропейских социалистических партиях в связи с активизацией ревизионистов и оппортунистов. В серии «Писем из Франции» была подробно освещена история раскола французской Социалистической партии на Лионском съезде (1901 г.). «Мы не принадлежим к числу тех, кто проливает по этому поводу слезы,— писала «Искра»,— хотя мы и понимаем, что необходимым условием успешной борьбы пролетариата является объединение всех его сил...»³⁰. Газета указывала, что в 1892—1899 гг. в ряды этой партии проникло много элементов, которые, по существу, не признавали основ марксистской теории и тактики и принципов классовой борьбы. Поэтому внутри партии оказались два различных по своему характеру направления: течение революционного социализма и течение сотрудничества классов. Засилье оппортунистов привело к тому, что стали стираться грани между революционным социализмом и буржуазным демократизмом. При таком положении дальнейшее пребывание революционных социалистов вместе с оппортунистами в составе одной партии означало бы полный отказ от служения интересам рабочего класса.

С особым вниманием следила «Искра» за тем, что происходило в рядах германской социал-демократии, выражая законную тревогу в связи с ее терпимостью к деятельности бернштейнианцев. Постоянные нападки Э. Бернштейна на марксизм сделали его «своим» человеком для тех буржуазных политиков, которые стремились втереться в рабочее движение и отсеснить от него революционную социал-демократию. Буржуазные газеты открыто называли бернштейнианцев «спасителями общества», способными утихомирить рабочий класс и привести его на путь «мирного социального развития». В журнале «Sozialistische Monatshefte» активно сотрудничали наряду с Э. Бернштейном, Г. Фольмаром, В. Гейне, Э. Давидом и другими оппортунистами национал-социалисты — духовные предшественники будущих фашистов. В среде рядовых членов германской социал-демократии высказывалось недовольство и раздражение в связи с разнузданной деятельностью оппортунистов. Так, социал-демократы 4-го берлинского избирательного округа незадолго до Любекского партийтага (1901 г.) в своей резолюции выразили надежду,

³⁰ «Искра» № 6, июль 1901.

что этот съезд недвусмысленно выскажется против попыток Бернштейна вносить смуту и разъединение в ряды борющегося пролетариата. Но руководство партии не проявляло должной решимости покончить с оппортунизмом. Любекский партийтаг, о котором подробно рассказал автор статьи, опубликованной в «Заре» (№ 2—3, декабрь 1901 г.) под псевдонимом «Неизвестный», не проявил той принципиальности в борьбе с оппортунизмом, на которую рассчитывали рядовые социал-демократы. Как видно из статьи, некоторые из делегатов высказали на съезде возмущение тем, что руководящие круги партии, особенно ее центральный орган, замалчивают наглые вылазки оппортунистов. Газета предала забвению скандальное выступление Бернштейна в мае 1901 г. в «Берлинском студенческом союзе по изучению социальных наук» с рефератом на тему «Возможен ли научный социализм?». Бернштейн утверждал, что социализм «не может быть» научным, так как он включает в себя борьбу за идеал, а в этой борьбе большую роль играет элемент воли. Это выступление Бернштейна вызвало сенсацию и восторженные возгласы в буржуазных кругах. Однако редакция «Vorwärts» не сочла нужным в какой-либо форме высказаться по этому поводу. Ее редактор Г. Граднауэр заявил, что тема доклада Бернштейна настолько далека от практики, что политическому органу не было надобности заниматься им.

Выступивший на Любекском съезде К. Каутский пожурил Бернштейна за его деятельность и призвал его вернуться «к старым традициям». Автор статьи об этом партийтаге по поводу речи Каутского заметил: «Каутский, однако, забыл, что в недавно переизданных своих старых статьях Бернштейн тщательно вытравил все свои критические нападения на социал-реформистов... И от этого человека ожидают, что он после основательной головоломки и дружеских увещаний вернется к старым богам! Кто бы мог подумать, что кровожадная «Гора» наших дней обладает таким запасом благодушия!»³¹. На съезде были обнародованы и другие неблагоприятные факты поведения центрального органа этой партии. На его страницах, например, выступал в качестве постоянного корреспондента небезызвестный русский «экономист» Кричевский, находившийся в Париже. В своих статьях он пропагандировал «новую методу» Мильерана. Автор статьи о Любекском съезде следующим образом характеризовал корреспонденции Кричевского: «Грубое искажение фактов, относительно истинности которых немцам трудно быть судьями, тенденциозное замалчивание тех событий в жизни французского социализма, которые шли вразрез со всегда несостоятельными пророчествами корреспондента и которые знаменовали успех ненавистного ему французского марксизма, постоянное обливание помоями представителей французского революционного социализма..., — все это гипнотизировало немецкого читателя и создавало настроение в пользу «нового социализма» Фольмаров и Бернштейнов»³².

Вскоре после опубликования этой статьи в «Заре» центральный орган германской социал-демократии попытался опровергнуть приведенные факты о неблагоприятной роли Кричевского. 1 января 1902 г. его редакция поместила заметку, в которой утверждала, что Кричевский никаких фактов не искажал и не замалчивал их в своих «объективных» корреспонденциях, что пропагандой мильеранизма он не занимался. Но когда «Неизвестный» послал обстоятельное письмо в редакцию «Vorwärts», в котором доказывалась истинность данной им характеристики корреспонденций Кричевского, редакция попыталась избежать его помещения на своих страницах. В заметке «Полемика «Зари» с редакцией «Vorwärts», опубликованной в № 17 «Искры» (10 марта 1902 г.), по этому поводу указывалось, что раздражение редакции центрального органа

³¹ «Заря. Социал-демократический научно-политический журнал». Декабрь 1901, стр. 412.

³² Там же, стр. 405.

немецкой социал-демократии против «Зари», обнародовавшей статью о «подвигах» бернштейнцев, не может вызвать удивления. Редакция «Vorwärts» после кончины В. Либкнехта «проявила довольно податливое отношение к Бернштейну и его сторонникам». На конкретных фактах «Искра» разоблачала примиренческую позицию редакции «Vorwärts» к бернштейнцам.

«Искра» и «Заря» регулярно информировали своих читателей о борьбе между революционным и оппортунистическим направлениями в партиях II Интернационала, о съездах этих партий и конгрессах Интернационала, раскрывали смысл происходивших событий, сигнализировали об опасности оппортунизма, разъясняли значение непримиримой борьбы с ним. В статьях и заметках, посвященных борьбе зарубежных рабочих партий с оппортунизмом, напоминалось, что для успеха дела социализма недостаточно одного лишь морального осуждения оппортунизма, что необходимо идти на полный идейный и организационный разрыв с ним. Разоблачая демагогические требования ревизионистов о так называемой полной свободе мнений в партии, «Искра» писала: «Свобода мнений в партии может и должна быть ограничена именно потому, что партия есть союз, свободно составляющийся из единомышленников: как только единомыслие исчезает, расхождение становится неизбежным. Навязывать партии, во имя свободы мнений, таких членов, которые не разделяют ее взглядов, значит стеснять ее свободу выбора и мешать успеху ее действий»³³.

«Искра» многое сделала для того, чтобы выяснить социальную и идейную сущность оппортунизма в западноевропейском рабочем движении, привлечь внимание всех подлинно революционных сил к борьбе с этим злом. Газета последовательно разоблачала бернштейнцев, пытаясь лишить социал-демократию ее революционных устремлений, превратить рабочую партию в придаток буржуазного парламента и направить всю ее деятельность в русло реформизма. Борьба ленинской «Искры» с русским и международным оппортунизмом в первые годы нашего столетия сыграла исключительно важную историческую роль. В ходе этой борьбы были вскрыты классовые корни, идеи и политическая направленность ревизионизма и оппортунизма как главного врага революционного марксизма внутри рабочего движения. «Искра» задавала тон для всей последующей непримиримой борьбы большевизма против оппортунизма, и правого и «левого». Это обеспечило превращение большевизма в великую национальную и интернациональную силу, давшую образец революционной тактики и политики.

Развернувшаяся в конце XIX — начале XX в. идейная борьба против оппортунизма в российской и международной социал-демократии явилась предвестником великих революционных битв пролетариата, которые назревали в недрах капиталистического общества. В. И. Ленин впоследствии писал, что все вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905—1907 и в 1917—1920 гг., можно проследить в зародышевой форме по тогдашней печати периода «Искры», а затем газеты «Вперед». Великое историческое значение борьбы «Искры» против оппортунизма пытаются всячески извратить современные буржуазные историки и социологи, фальсифицирующие, в частности, теорию и историю КПСС. За последние годы в ряде капиталистических стран специальными исследовательскими центрами и институтами выпущено много работ о В. И. Ленине и большевизме, в которых немалое место занимает освещение деятельности «Искры» и формирования большевистской партии. Одним из наглядных примеров фальсификации событий искровского периода может служить монография профессора Нью-Йоркского университета Алэна Уайлдмэна «Становление рабочей революции. Рус-

³³ «Искра» № 49, октябрь 1903.

ская социал-демократия в 1891—1903 гг.». Пытаясь принизить значение борьбы «Искры» против оппортунизма, этот автор пишет, что «Искра» в значительной мере боролась против врага, который «уже покинул поле боя» (имеет в виду «экономистов». — С. Т.). «Искра»-де считала необходимым направить свои атаки против «скрытых экономистов», чтобы «оправдать свою воинственную позу»³⁴. На деле же «экономисты», с которыми искровцам пришлось скрестить оружие, далеко еще не покинули поле битвы. Даже в 1903 г. на II съезде РСДРП, когда «экономизм» был разбит идейно и организационно, его приверженцы занимали весьма воинственную позицию по вопросам программы, тактики и организационных принципов российской социал-демократии.

Буржуазные авторы, разумеется, не разделяют ту точку зрения, что борьба с бернштейнианством в различных его проявлениях была вызвана необходимостью обезопасить рабочее движение от тлетворного влияния реформистской, а по сути дела, буржуазной идеологии и направить его по революционному пути, освещаемому теорией научного социализма. Возникновение самой бернштейниады эти господа стараются представить таким образом, будто она явилась естественным результатом «кризиса революционного марксизма». Повторяя доводы Бернштейна, современные «марксологи» утверждают, что вторая половина XIX в. ознаменовалась существенным улучшением положения рабочего класса, «смягчением» и «сглаживанием» классовых противоречий. Поэтому-де революционный марксизм оказался «несостоятельным» перед лицом новой исторической действительности. «Кризис марксистской ортодоксии, — пишет автор монографии «Плеханов — отец русского марксизма» профессор одного из американских колледжей Сэмюель Бэйрон, — который начался в конце XIX в., имел своим источником не «предательство» некоторых интеллигентов. Кризис проистекал из того, что эта ортодоксия все меньше и меньше соответствовала изменявшимся обществам в Европе. Марксистская система перестала отвечать духу времени. Возникновение ревизионизма в западном социализме явилось одним из основных симптомов этого несоответствия»³⁵.

Этой же концепции придерживается и профессор Гарвардского университета Эдм. Юлэм. В своей книге «Большевики» он заявляет, что ревизионизм Бернштейна явился отражением факта «серьезного улучшения» положения рабочего класса и «несостоятельности» выводов марксизма о непримиримости классовых противоречий в капиталистическом обществе; поэтому «экономизм» был лишь локальной вспышкой «общего кризиса марксизма в конце XIX века»³⁶. О мнимом кризисе марксизма бесчисленное множество раз писали либеральные и всякие иные «критики» еще в разгар бернштейниады в Западной Европе и «экономизма» в России. А между тем именно тогда родилась газета «Искра», высоко поднявшая знамя революционного марксизма. Бернштейнианство же появилось на свет отнюдь не вследствие некоего кризиса марксизма. Напротив, к тому времени, когда оно народилось, марксизм, вытеснив все сколько-нибудь цельные враждебные ему течения, стал господствующей идеологией в рабочем движении. В борьбе против марксизма эти течения стали искать теперь иных путей.

В сползании западноевропейской социал-демократии на путь реформизма большую роль сыграл так называемый легализм. Известно, что социал-демократическое движение на Западе в конце XIX — начале XX в. находилось в условиях, позволявших ему пользоваться довольно широкими легальными возможностями. Участие в избирательных кампаниях, выдвижение социал-демократических кандидатов и прохождение их в

³⁴ A. Wildman. The Making of a Worker's Revolution. Russian Social-Democracy 1891—1903. Chicago. 1967, p. 214.

³⁵ S. H. Baron. Plekhanov, the Father of Russian Marxism. Stanford. 1963, p. 185.

³⁶ A. B. Ulam. The Bolsheviks. N. Y. 1965, p. 151.

представительные органы — парламенты и муниципалитеты воспринимались многими социалистами как признак грядущей быстрой победы рабочего класса. Так, после проходивших 16 июня 1903 г. выборов в рейхстаг, когда социал-демократы получили довольно значительное количество депутатских мест, К. Каутский заявил, что вопрос об окончательной победе над буржуазным строем является вопросом «завтрашнего дня». Чрезмерное увлечение парламентской борьбой, которое Р. Люксембург остроумно называла «парламентским кретинизмом», порождало иллюзии о возможности завоевания власти рабочим классом на основе всеобщего избирательного права, при помощи одних только избирательных бюллетеней. Создавалась благоприятная почва для распространения идей классового сотрудничества пролетариата с буржуазией, для возрождения мелкобуржуазного квазисоциализма.

Таковы были объективные условия, благоприятствовавшие зарождению и распространению ревизионизма и оппортунизма бернштейнского толка. «Диалектика истории такова,— писал В. И. Ленин,— что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*. Период подготовки сил для великих битв они истолковывают в смысле отказа от этих битв. Улучшение положения рабов для борьбы против наемного рабства они разъясняют в смысле продажи рабами за пятачок своих прав на свободу. Трусливо проповедуют «социальный мир» (т. е. мир с рабовладением), отречение от классовой борьбы и т. д.»³⁷ Убить марксизм «посредством мягкости»; удушить его в объятиях путем мнимого признания всех «истинно научных» сторон и элементов марксизма; взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, и отбросить живую душу марксизма—такова, как указывал Ленин, сущность ревизионизма. Именно потому, что ревизионизм служил классовым интересам эксплуататоров, современные идеологи буржуазии восхваляют бернштейниаду и поносят революционных марксистов, которые с самого начала повели непримиримую борьбу против «критиков» К. Маркса. Буржуазные фальсификаторы истории большевизма пытаются представить борьбу «Искры» против оппортунизма как некое следствие нетерпимости В. И. Ленина к «инакомыслящим». Так, известный американский антикоммунист, проф. Бертрам Уолф «объясняет» эту борьбу «темпераментом» Ленина и традициями «ортодоксальной ереси русской политической мысли». Истинную причину разногласий марксистов с «экономистами» он усматривает в том, что «экономисты» стояли ближе к партиям Запада, «которые были организованы демократически», а марксисты сформировались в партию якобы по образцу ранних профессиональных революционеров типа «Народной воли»³⁸. Ответим на это, что «экономисты» действительно стояли ближе к западным рабочим партиям, но не к революционным в них направлениям, а к реформистским, бернштейнским. И если бы в российской социал-демократии восторжествовали принципы «экономизма», то ее могла бы постичь участь германской.

Наши идейные противники пытаются также объяснить непримиримость В. И. Ленина к оппортунистам «отходом» его от традиционного марксизма. По утверждениям этих господ, К. Маркс якобы ориентировался на стихийное рабочее движение, а В. И. Ленин перенес центр тяжести на «элиту» профессиональных революционеров. Так, говоря о ленинской книге «Что делать?», один из американских буржуазных биографов Ленина, Роберт Пэйн, пишет: «Маркс (в этой книге.— С. Т.) едва упомянут, а марксистский тезис о том, что «освобождение рабочего класса является делом самого рабочего класса», просто игнори-

³⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 3.

³⁸ В. D. Wolfe. Three Who Made a Revolution. A Biographical History. N. Y. 1964, p. 160.

руется; в то же время концепция маленькой высокодисциплинированной группы интеллигентов, действующей как «авангард революции», защищается решительно и страстно против всех оппозиций»³⁹. Подобную же интерпретацию ленинского учения о партии дают многие другие буржуазные авторы, перепевающие давний и фальшивый довод, будто Ленин отверг положение Маркса о том, что «развитие капитализма самопроизвольно ведет к революции»⁴⁰.

Наши идейные противники утверждают далее, что Ленин «в противовес Марксу» сосредоточил все свое внимание на создании революционной «элиты» профессиональных революционеров. Известно, однако, что в книге «Что делать?» речь шла об организации профессиональных революционеров лишь в определенных условиях царской России, когда нужно было создать ядро пролетарской партии, которая могла существовать лишь как нелегальная организация. Что касается К. Маркса, то следует заметить, что и он никогда не ориентировался на самопроизвольное, стихийное рабочее движение как на основное условие для свершения пролетарской революции. Об этом достаточно ясно говорилось уже в «Манифесте Коммунистической партии». Ближайшую задачу коммунистов авторы «Манифеста» видели в том, чтобы помочь пролетариату сформироваться в качестве самостоятельной политической силы. Впоследствии в одной из резолюций конференции делегатов Международного Товарищества Рабочих, состоявшейся в сентябре 1871 г., Маркс и Энгельс писали: «Против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами»⁴¹. На этой же позиции твердо стояла и ленинская «Искра», страстно выступавшая против оппортунистического преклонения перед стихийным рабочим движением и сплывавшая под своим знаменем цвет пролетариата. «Искра» победоносно провела борьбу с оппортунистическим течением в русской социал-демократии и еще за несколько лет до первой русской революции выступила с самой последовательной марксистской программой действий⁴².

Буржуазные профессора, пытающиеся ныне оклеветать ленинские идеи пролетарской партии, выдвинутые на страницах «Искры» и в книге «Что делать?», опираются в определенной степени на доводы, которыми в свое время оперировали бернштейнианцы и «экономисты», обрекавшие пролетариат на подчинение либеральной буржуазии. Вот почему борьба «Искры» против ревизионизма и оппортунизма в первые годы нашего столетия имеет не только историко-познавательное значение. Основные проблемы марксистской теории, которую отстаивали и развивали тогда революционные марксисты России, и в наше время сохраняют в немалой степени свою актуальность. В Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина подчеркивается, что созданию нашей партии предшествовали огромная идейно-теоретическая работа В. И. Ленина и бескомпромиссная борьба против оппортунистических течений. Именно потому, что В. И. Ленин и ленинская «Искра» вели принципиальную, непримиримую борьбу с оппортунизмом, в России сложилась, смогла вырасти и укрепить большевистская партия, которая дала пролетариату идеи, теорию, программу и тактику, коренным образом отличающиеся от реформистских установок, — марксистская партия социальной революции и диктатуры пролетариата.

³⁹ R. Payne. The Life and Death of Lenin. N. Y. 1964, pp. 147—148.

⁴⁰ См. «Marxism in the Modern World». Ed. by M. D. Drachkovitch. Stanford. 1965, p. 9.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 427.

⁴² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 343—344.